

“Византийским временником”. В работу сборника, непосредственно в его редакции и вне ее, активно включились ученики главного редактора: В.Э. Регель, взявший на себя главное бремя научно-организационной работы в редакции уже при жизни учителя и ставший ее главой после его смерти, К.Н. Успенский, П.В. Безобразов, Б.А. Панченко, Х.М. Лопарев, А.А. Васильев, Д.Ф. Беляев и др. Сборник сыграл неоценимую роль в организации и углублении исследований по византиноведению в России в целом, содействовал оформлению собственных российских школ с их ярко выраженной (и ценимой в мировой науке) спецификой. Одновременно “Временник” стал индикатором положения византиноведения в ряду других гуманитарных наук в России, зеркалом его успехов и злоключений. Злоключения не зависели от научного уровня сборника, но уровень чаще стал зависеть от злоключений...

Придавая огромное значение “приготовлению” юношества к научным занятиям, прочно связывая надежды на прогрессивные преобразования и само будущее России с умножением числа образованных людей в стране, Васильевский, полный тревоги, посещал политические митинги и уличные сходки студентов, чтобы, если позволит случай, предостеречь их от опрометчивого шага, от бесполезной (как он думал) растраты сил и помешать возможным эксцессам и опасным столкновениям⁷⁶.

Как профессор университета, создатель собственных курсов лекций по истории средних веков и специальных по истории Византии, Васильевский проявлял постоянное пристальное внимание к ознакомлению студентов с иностранной исторической мыслью, добивался для способных выпускников зарубежных командировок, заботился о приличествующем комплектовании университетской и академической библиотек, об издании безупречной в научном отношении учебной литературы, сурово критикуя при этом всякие проявления невежества, небрежности, неряшливости⁷⁷.

В заключение коротко о глубинных, нравственных основах помимо бесспорного таланта научного творчества Васильевского. Эти основы, вне всякого сомнения, в чрезвычайно обостренном чувстве ответственности перед обществом, наукой, коллегами, молодежью, собственной совестью за дело, которому он решил служить беззаветно до конца. Жизнь ученого, выходящая из разночинной провинциальной среды, была далеко не безоблачной: ему были отлично знакомы и материальные лишения (по собственному его признанию, от них он избавился, наконец, только став академиком), и тяжелые семейные заботы, и неустроенность преподавательской карьеры, и длительные болезни. Как всегда, перегруженный научной, преподавательской и научно-организационной работой, он поздно решил заняться всерьез запущенной болезнью почек. Но, решившись, не успел доехать к месту лечения в Рим: смерть настигла его весной во Флоренции 13(25) мая 1899 г. на 62-м году жизни, полного творческих замыслов и надежд скоро вернуться в университетскую аудиторию, к книгам, к письменному столу. Похоронен Васильевский на местном кладбище.

Отдавая дань благодарной памяти основателю “Византийского временника”, а по сути дела российского научного византиноведения, мы счастливы сознавать, что закладка фундамента нашей науки произведена великим ученым и великим учителем, труды которого не утратили ни научного, ни дидактического значения. Чтение их по-прежнему доставляет интеллектуальное наслаждение.

Васильевский обозначил высокие критерии науки, которых оказалась достойной российская византистика в лице его ближайших учеников и последователей. Достойным их должно быть российское византиноведение и впредь.

⁷⁶ См., например: *Васильевский В.Г.* [Рец.] Осокин Н.А. История средних веков. Казань, 1888 // ЖМНП. 1889. Ч. 264; *Он же.* Рец. на составленную А. Овсянниковым “Историческую хрестоматию”: Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курс новой истории // ЖМНП. 1875. Ч. 182; и др.

⁷⁷ *Гревс И.М.* Василий Григорьевич... С. 33–34.